

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжао Я. — Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год» // Litera. – 2023. – № 12. – С. 225 - 235. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69295 EDN: DLDIHV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69295

Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год»

Чжао Яо

Специалист, МГУ-ППИ в Шэньчжэнь

518100, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Да Юнь, 1

✉ 278250417@qq.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69295

EDN:

DLDIHV

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2023

Дата публикации:

30-12-2023

Аннотация: В статье предлагается сопоставительное рассмотрение двух общественных моделей в художественной прозе В.Ф. Одоевского. В центре внимания исследователя оказываются незавершенный роман «4338 год» и новелла «Город без имени» из романа «Русские ночи» Одоевского. При сравнении обоих текстов в статье указывается на смысловое единство культурно-общественных взглядов автора на должное (идеальное) будущее общество. Если «Русские ночи» целиком обращены в настоящее, так что дистопические картины в новеллах «Город без имени» и «Последнее самоубийство» нужны только, чтобы правильно посмотреть на современность 1840-х годов и на следствия ошибок, которые могут быть совершены в настоящем, то «4338-й год» действительно устремляется в будущее и проектирует новый научно-общественный мир. Однако «4338-й год» может считаться утопией только отчасти. В свете сатирической

критики в романе «Русские ночи» и других произведений Одоевского «4338-й год» оказывается не настолько однозначным текстом, как было принято полагать в литературоведении начала XX в. В работе применяются сопоставительный, культурологический и герменевтический метод при осуществлении анализа художественных текстов В.Ф. Одоевского «4338-й год» и «Русские ночи». В статье были скорректированы представления о романе «4338-й год» В.Ф. Одоевского как о романе утопическом. Поставленный в ряду других произведений Одоевского, этот текст, несмотря на свою незавершенность, удачно вписывается в мировоззренческую систему писателя и развивает сатирические тенденции, представленные в его романе «Русские ночи» — в особенности в дистопических новеллах «Город без имени» и «Последнее самоубийство». В результате сопоставительного анализа двух произведений было выявлено, что картина будущего в романе «4338-й год» обнаруживает множество изъянов, которые ставят под сомнение утопическую интерпретацию текста: в нем будущее общество глухо к трагическому мироощущению и "не замечает" катастрофы, надвигающейся на него, не имеет перед собой метафизического горизонта, необходимого, по мысли писателя, для действительного научного прогресса, теряются преемственные связи, цельность человеческого знания, о чем Одоевский настойчиво говорит в «Русских нотах».

Ключевые слова:

романтизм, Одоевский, утопия, дистопия, 4338-й год, Русские ночи, утилитаризм, научно-технический прогресс, будущее, художественная картина

В русской литературе первой трети XIX в. значительное место занимают тексты, содержащие художественные картины будущего. Среди них «Европейские письма» В.Г. Кюхельбекера (1820 г.), «Правдоподобные небылицы, или странствия по свету в двадцать девятом веке» Ф.В. Булгарина (1824 г.), роман А.Ф. Вельмана «МММCDXLVIII 3448 год: Рукопись Мартына-Задека», опубликованный в 1833 г., а также многие другие. На представленном литературном фоне неоконченный роман В.Ф. Одоевского «4338-й год» не кажется исключением, на что указывает само название — перестановленные цифры из романа Вельмана «3448 год». Тем не менее роман Одоевского содержательно отличается от работ современников.

«Зрение Одоевского простиралось на целый век вперед!» — восклицал В.В. Розанов в статье «Чаадаев и кн. Одоевский» [6]. А.Г. Гачева не без основания утверждает, что тексты Одоевского обладают «мощной футурологической компонентой» и стремятся прочертить векторы развития не для одного лишь народа и не для какой-то части человечества, разбитого на национальности, а для мира в его единстве» [1]. Как неоднократно указывалось, идеи Одоевского, изложенные в романах «Русские ночи» и «4338-й год», легли в основу «русского космизма» [5] и обладали прогностической ценностью [9]: многие поздние технические изобретения (как-то: телефон, отчасти интернет, фотоаппараты, воздушный транспорт, системы теплоснабжения, газированные напитки и другие) были успешно предсказаны Одоевским. Но роман «4338-й год» не ограничивается только техническим прогнозом. В нем воплощается критическая оценка современной русской культуры и общественно-философская концепция В.Ф. Одоевского. Продуктивным подспорьем при истолковании романа «4338-й год» послужит другой текст Одоевского — «Русские ночи», в котором можно обнаружить образцы негативной утопии (дистопии) в новеллах «Город без имени» и «Последнее самоубийство». Некоторые

дистопические черты из них включены в мнимую идиллическую картину будущего в романе «4338-й год».

Творчество Одоевского обладает синкретическим характером: романтико-фантастическое начало его прозы включает в себя отчетливые научно-технические представления. В связи с этим футурологические модели Одоевского, сочетая в себе романтическое и прагматическое, поверяются научными данными (что подтверждается широкой, энциклопедической осведомленностью Одоевского в естественных науках Нового времени и Средневековья). Таким образом, картина будущего в текстах Одоевского может, с одной стороны, поворачиваться к настоящему времени и содержать критику на современное светское общество на романтический манер (например, в новеллах «Бал» и «Бригадир» из «Русских ночей»), с другой стороны, обращаться в будущее, то есть конструировать и определять модель должного, по мнению автора, развития общественных отношений, исходя из данной критики. Одоевский пишет, что человеку «не должно знать одного будущего, забывая о настоящем»: иными словами, будущее нужно определять сквозь настоящее. Роман «4338-й» предполагает именно такой синтез из настоящего и будущего, научного и фантастического, романтической сатиры и научного моделирования, однако воплощенных в единой художественной конструкции.

Роман «4338-й год» был опубликован в 1840 г., за несколько лет до публикации «Русских ночей». Долгое время «4338-й год» имел репутацию утопического романа. Согласно утопической интерпретации, общественная модель, научно-техническое оснащение и политическая обстановка в романе полностью реализуют идеалы самого автора. Такая интерпретация впервые была выдвинута в статье П.Н. Сакулина «Русская Икарзия» за 1912 г. и стала канонической при изучении текста Одоевского. Именно она и подверглась пересмотру в некоторых научных работах последнего времени, в особенности в работе В.В. Сербиненко «Философская проза В.Ф. Одоевского: 4338 год» [6]. При истолковании романа исследование Сербиненко, в отличие от прежних критических работ, учитывает сатирический опыт «Русских ночей», в результате чего утопический характер «4338 года» ставится под вопрос.

В романе «4338-й год» представлена далекая Россия будущего. Она достигает политического, технического и культурного превосходства над другими странами в альтернативной картине Одоевского, хотя и обладает, как ни парадоксально, чертами, не присущими России. Она противопоставлена Китаю, который отстает от России по техническому и культурному развитию, однако в этом отставании именно Китай в большей степени напоминает Россию, в то время как последняя воплощает собой, скорее, Запад, воспринятый из российской оптики 1840-х годов: «Конечно, мы, китайцы, ныне ударились в противоположную крайность – в безотчетное подражание иноземцам; все у нас на русский манер: и платье, и обычаи, и литература; одного у нас нет – русской сметливости, но и ее приобретем со временем» [3, с. 422]. Упоминание же «великого Хун-Гина» далее, правителя, который «пробудил наконец Китай от его векового усыпления» и ввел китайское государство в «общее семейство образованных народов», может косвенно указывать на Петра I и знаменитый поворот русского государства к европейскому просвещению [3, с. 422].

Двойственность положения и успехов России усиливается тем, что общественные и технические достижения российского государства излагаются экзальтированным китайским студентом, то есть, по верному замечанию Сергиненко, преподносятся как взгляд «провинциала» на «столицу» [6]. Следовательно, искажают достоверную

общественную картину.

Таким образом, в романе Одоевского мы встречаем редкий для научно-фантастической литературы прием: писатель вводит в псевдо-утопический роман «ненадежного рассказчика» и таким образом раздваивает образ города на утопический (точка зрения Ипполита Цунгиева, китайского студента) и не-утопический (точка зрения автора). В таком ракурсе большинство из наблюдений Цунгиева теряют прежнюю убедительность и требуют внимательного прочтения. Например, преклонение людей будущего перед «мудростью древних», которыми называются «столоначальники» 1840-х годов (по всей видимости, гоголевского типа), очевидно, пропускается сквозь авторскую иронию. Слово «столоначальник» для людей 4338 года, ввиду утраты сведений о прошлом, остается неизвестным и путается с такими словами, как «градоначальник» и «военачальник» [\[3, с. 437\]](#). Такое искажение слов и архаичных (в оптике будущего) явлений определенным образом отражается и на остальных наблюдениях, указанных в тексте.

Так, среди различных нововведений заслуживают внимания опыты «животного магнетизма» [\[8\]](#). Они представляют собой «салонную забаву», которая состоит в том, что несколько человек становятся вокруг «магнетической ванны», берут протянутый от нее «снурок» и погружаются в «сомнамбулический сон» [\[3, с. 431-432\]](#). Во время него участники произносят свои «тайные помышления», скрытые страхи и недоговоренные желания, что, в целом, отчасти соответствует идеалу Одоевского о том роде коммуникации, когда «ложь» будет преодолена, а «мысль высказана», несмотря на различные социальные и языковые преграды (о чем автор пишет в «Эпilogue» романа «Русские ночи»). Однако в соседстве с употреблением особых психоделических «возбуждающих газов» эти развлечения приобретают противоречивый характер и напоминают плановое употребление психотропных препаратов («сомы») в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли. Более того, отказ от «животного магнетизма» табуируется в обществе будущего и оценивается как «порочная наклонность»: тот, кто в этом не участвует, критикуется за утаивание «враждебных мыслей» [\[3, с. 433\]](#). Другими словами, гипнотические сеансы и употребления газа, несмотря на видимое новшество, обнаруживают неоднозначность авторской оценки.

Разумеется, техническое развитие общества в романе Одоевского не может быть поставлено под сомнение. Люди перемещаются на огромные расстояния в краткий срок при помощи «гальваностатов» (воздушных кораблей), производятся синтетические материалы, новые музыкальные инструменты («гидрофоны») и вещи из «эластичного стекла», осваиваются другие планеты, преодолеваются тяжелые климатические условия по новой системе теплоснабжения, подробно описанной и предсказанной Одоевским, исчезает гужевой транспорт, так что лошади из средства перемещения превращаются в маленьких декоративных животных. Проблема состоит именно в том, что многие из нововведений в «4338 году» приобретают декоративную ценность и становятся только внешними элементами обихода. Так, например, женщины на балу в городе будущего сооружают шляпы из эластичного стекла *à la comète* в честь грядущей катастрофы. Таким образом, даже апокалипсис поглощается салонной культурой и превращается в декоративный аксессуар. Несмотря на ощутимый внешний скачок, нравственно-философское значение многих технических усовершенствований остается неопределенным.

Одоевский пишет в предисловии к роману «4338-й год»: «...люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира: останутся все те же страсти, все те же побуждения; с другой стороны, формы их мыслей и чувств, а в особенности их

физический быт должен значительно измениться» [3, с. 417]. Именно эта мысль и демонстрируется в романе. Внешний быт и «формы мыслей» в 4338 году, действительно, радикально изменяются на фоне общественной реальности 1840 года, когда был написан текст. Однако многое из реальности 1840-х годов остается без изменений. Светское общество и искусственность жизни, ставшая мишенью романтической сатиры в первой трети XIX века, отражается и в произведениях Одоевского, занимает значительное место в «Русских ночах» и в романе «4338-й год». Так, сатирическое изображение светского общества имеет сходные черты в новелле «Бал» и романе «4338 год»: вставная новелла начинается восклицаниями об историческом сражении, называются «десять тысяч убитых», объявляется, что «привезены знамена, обрызганные кровь и мозгом», однако — на контрасте — в бальной зале, по словам повествователя, «все веселится, поет и пляшет...» [4, с. 45]. Таким же образом и весть о приближающейся комете и планетарной катастрофе не изменяет обыкновенного порядка вещей в романе «4338-й год».

Название романа, как известно, было выбрано в связи с эсхатологическими ожиданиями: на 4339 год было предсказано разрушительное столкновение с кометой, которое, как представляется, должно было стать импульсом к переосмыслению жизни или по крайней мере вызвать сильнейшие волнения в обществе. Тем не менее, если взглянуть в общественную реальность «4338 года», салонная культура в нем, даже перед катастрофой, ничуть не изменяет ритуала. Во многих отношениях салонные развлечения «4338 года» напоминает пошлые светские разговоры в гостиной Анны Павловны Шерер накануне Отечественной войны 1812 года в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого: «Я не без удивления заметил по разговорам, что в высшем обществе наша роковая комета гораздо менее возбуждала внимания, нежели как того можно было ожидать» [3, с. 429].

В системе ценностей В.Ф. Одоевского, сформулированных в «Русских ночах», полная, окончательная сытость и удовлетворение физиологических потребностей не может считаться исторической целью для всего человечества: «Во всех таких случаях организм страдает, как растение без воды или слишком политое» [4, с. 180]. Иными словами, технический прорыв не должен мыслиться как самоцель и ограничиваться бытовыми функциями. Человеческий труд должен всегда иметь перед глазами некий *метафизический горизонт*, куда будут устремлены его усилия; если же то, что считалось средством, оказывается целью, то человечество попадает в тупик. Он пишет в «Третьей ночи», что «полное следствие такой полезной, удобной и расчетливой жизни — есть тоска неодолимая, невыносимая» [4, с. 36]. Об этом же Одоевский говорит устами Фауста (своего альтер-эго) при сопоставлении алхимии и современной европейской химии. Он указывает, что современная естественная наука ограничивается кругом «чистого опыта» и узких (специальных) задач, которые она перед собой ставит, в то время как алхимия, насколько бы курьезным ни казался на современный взгляд предел ее ожиданий («обнаружение философского камня»), была всегда устремлена к цели метафизической, расположенной за пределами науки. Поэтому она была, по мнению Фауста, единой, цельной и значительной в своих задачах. Она не могла остановиться на достигнутых открытиях, потому что алхимия этим не исчерпывается, и не могла ограничиться изобретениями, которые эти открытия могли повлечь, потому что была обращена к трансцендентной цели и ее воплощению на земле разумными средствами. В таком случае науки были едины в устремлении к «общему делу»: «Оттого, — утверждает Фауст, — алхимики открыли так, между делом, все то, без чего мы теперь пошевелиться не можем, — а мы — лишь винты, да колеса для бумажных колпаков...» [4, с. 162].

Подобную интегрирующую метафизическую задачу и ставит перед человечеством Одоевский в футурологических произведениях. Его трансцендентный идеал, в отличие от романтиков его времени, расположен не за пределами мира, но внутри них и, если быть точнее, в будущем, где будет произведена интеграция человеческого знания и последняя творческая регуляция природных стихий. Идеал Одоевского, как и соловьевский и федоровский, существует для того, чтобы его претворить на земле научно-творческими средствами: как предел активно-творческий, нежели пассивно-созерцательный. Отсюда и потребность Одоевского в проектировании художественных моделей по типу романа «4338 год». Однако, несмотря на оптимистические устремления, будущий мир, представленный в его текстах, содержит множество противоречий.

Во-первых, жители будущего общества внутренне ничуть не изменяются и не обогащаются: внешние мелочи заботят их более, чем такие онтологические события, как апокалипсис и крушение мира. Во-вторых, общество в романе «4338 год» оторвано от прошлого, что, по мысли Одоевского, является не меньшим изъяном, чем внутренняя пустота. Примечательно, что Фауст в «Русских ночах» работает над сочинением, призванным «напомнить о позабытых знаниях, — нечто вроде сочинения Панцироля "De rebus deperditis" ("О потерянных вещах")» [\[4, с. 158\]](#). В-третьих, значение технических изобретений в обществе 4338 года ограничивается утилитарными и потребительскими нуждами, которые загоняют человечество в тупик: платья из «эластичного стекла» и хитроумные теплохранилища перестанут ощущаться жителями таким же образом, как печи и рамы в бальной зале в начале «Русских ночей», то есть исчезнут из восприятия в тот момент, когда будут закрыты основные потребности. Таким образом, техника не должна ограничиваться утилитарной функцией и обеспечением комфорта, но должна становиться средством активного, творческого преобразования мира и быть устремлена к дальней цели. Негативные картины в прозе Одоевского, когда общество, несмотря на видимый социально-технический успех, распадается на части и затем исчезает без следа, представлены в дистопических новеллах из «Русских ночей», одна из которых может быть сопоставлена с отрывками из романа «4338-й год». В новелле «Город без имени» мы обнаружим более определенное высказывание насчет будущего общества и выясним фундаментальные недочеты современных для Одоевского социальных теорий.

«Город без имени» возникает как одна из вставных новелл из «Русских ночей». Смысл новеллы поясняет Фауст: «Для моих духоиспытателей фактом было символическое прозрение в происшествии такой эпохи, которая по естественному ходу вещей должна бы непременно образоваться, если б благое провидение не лишило людей способности вполне приводить в исполнение свои мысли» [\[4, с. 72\]](#). Такой «мыслью» в «Городе без имени» является бентамовское учение, очень популярное во времена Одоевского. Фауст уподобляет популярность этого учения хрестоматийной басне Лафонтена «Стрекоза и муравей», в которой трудолюбие и утилитарность оценивается выше, чем «раскаяние и возможность прощения» того, кто позволил себе делать нечто бесполезное [\[4, с. 101\]](#).

В целом, картина будущего в «Городе без имени», который Фауст называет «Бентамией», может считаться предтечей дальнейших утилитаристских рассуждений Д.И. Писарева и их пародического воплощения в текстах Достоевского. Восклицания из «Русских ночей»: «Что бесполезно — то вредно, что полезно — то позволено. Вот единственное твердое основание общества!» [\[4, с. 63\]](#) равносильны лозунгам Петра Верховенского из «Бесов»: «Необходимо только необходимое — вот девиз земного шара отсека!» [\[2, с. 392\]](#).

Кроме того, проповедь личной пользы и выгоды, ставшая основой общественной жизни в

Бентамии, неоднократно оспаривается Достоевским в «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании». Высказывания Лужина в комнате Раскольниковва воспроизводят постулаты бентамовского общества практически дословно. Мысль о том, что «общественная польза есть не иное, что собственная выгода» [4, с. 60] и что есть прямая зависимость между пользой частной и всеобщей, лежит в основе известной теории «целого кафтана», которую проповедует Лужин на страницах «Преступления и наказания». Но если в случае Достоевского идея воплощается в типическом герое, охватывающем всех представителей эгоистического утилитаризма 1860-х годов, то Одоевский доводит эту идею до абсурда, как если бы она полностью вступила в силу и определила облик общества.

Всякий житель Бентамии в поступках имеет в виду только собственную пользу и руководствуется принципом, что всякое действие должно извлекать личную выгоду. Базируясь на бентамовской утилитарной философии, люди решают осуществить общественный эксперимент и основать государство на необитаемом острове. «Проникнутые признательностию» к мыслителю, жители возвели «колоссальную статую Бентама и на пьедестале золотыми буквами начертали: польза» [4, с. 64]. В соответствии с утилитарным принципом организуется внутренняя и внешняя политика Бентамии. Когда в городе дебатруется предложение о том, чтобы построить храм, оно встречается вопросом: «Полезно ли это?». Жители приходят к выводу, что возведение храма будет полезно, но только при условии, что храм будет «напоминать обитателям, что польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека» [4, с. 64]. Так же и построение театра одобряется администрацией города только при условии, что «все представления на нем будут иметь целью доказать, что польза есть источник всех добродетелей и что бесполезное есть главная вина всех бедствий человечества» [4, с. 65]. Так в городе было отказано даже «материнским колыбелям» ввиду их бесполезности, так что всякая «естественная поэтическая стихия» стерлась «корыстными расчетами пользы» [4, с. 68].

Как и всякая новелла в «Русских ночах», дистопия «Город без имени» гипертрофирует какую-то сторону человеческой деятельности и доводит ее до абсурда: «Односторонность есть яд нынешних обществ и тайная причина всех жалоб, смут и недоумений; когда одна ветвь живет на счет целого дерева — дерево иссыхает» [4, с. 35]. За счет всего «дерева» в случае Бентамии «живет» утилитаризм, который ставится в центр, нанося ущерб всем остальным отраслям человеческой жизни.

Бентамовское общество последовательно доводится Одоевским до состояния распада в целях опровержения основного силлогизма, исходя из которого собственная выгода есть единственное условие выгоды всеобщей. Однако, по мысли писателя, общество, в котором никто не способен пожертвовать собственной выгодой, обречено на гибель. «Противоположные выгоды встречаются» и провоцируют междоусобицы. Желания разделяют и направляют людей друг против друга, показывая центральную логическую ошибку в теории Бентама. Личная удовлетворенность каждого не значит удовлетворенности всех, целое нельзя собрать из обособленных атомов, поскольку целое является синтезом и взаимным расположением каждого к каждому, преодолением эгоцентризма и всякой единичности.

Различные сословия в «Городе без имени» сменяют власть: сначала «купцы», затем «ремесленники» и «землепашцы» берут бразды правления, но свергаются одно за другим, поскольку всякий раз общество поворачивается только *одной* стороной и

обнаруживает свою узость. Сословие мыслит себя единственным и уничтожает все, чем оно не является. Нетрудно заметить, что различные общественные модели грядущего XX века основывались на таком же единственном, «абсолютном», догматическом принципе, в основу которого клались расовые, классовые или иные отличия. Принцип принимал абсолютный характер по отношению к другим отраслям человеческой жизни и исключал их, что приводило к чудовищным катастрофам XX века. Таким, например, стала идеологическая оптика советского марксизма в России, которая исключала другие отрасли человеческого знания. Одоевский, «символически прозревая будущее», обнаруживает корень ошибки, которая действительно станет общественным модусом и повлечет за собой серьезные исторические последствия в социалистических утопиях. Так, Розанов считал, что «на почве же теорий Бентама была построена вся "передовая" журналистика 60-х годов, с "Современником" и "Русским словом" во главе» и что Чернышевский, прочитай он «Русские ночи», «сложил бы крылья и положил перо» [6].

Итак, в обоих случаях Одоевский рисует картину будущего. Как верно указывает Сербиненко, дистопическое повествование в «Городе без имени» осмысляет чужие популярные социально-экономические, в то время как в романе «4338-й год» Одоевский подвергает художественной проверке собственные общественно-философские взгляды [7, с. 117-135]. Несмотря на то, что со стороны реальность «4338 года» может напоминать утопию, при внимательном рассмотрении в ней узнаются те фундаментальные несовершенства, которые свидетельствуют о неполноценности воплощения будущих чаяний писателя: отсутствие метафизического горизонта, забвение прошлого, превращение научных открытий в декоративные аксессуары, — все это точно не могло удовлетворить «нравственного чувства» писателя.

Роман «4338-й год» содержит черты, характерные для будущей дистопии «Город без имени». Главным образом, города будущего в обоих текстах сходны в их отношении к техническим изобретениям, поскольку в данных обществах метафизическая цель научно-технических революций теряется в обыденном автоматическом применении тех или иных открытий (приборов, техник, систем). Техника существует только для удовлетворения частных эгоистических потребностей. Кроме того, «Город без имени» как бы предвосхищает культурный нигилизм 1860-х годов, когда любая не-утилитарная активность преследовалась в печати и клеймилась, а вместе с ней «пересматривалось» и культурное наследие. Однако самым важным в двух текстах о будущем остается мельчание человека или то, что можно назвать «забвением трагического». В дистопии из «Русских ночей» человек настолько занят собственной пользой, что остальное не попадет в его кругозор; однако, наоборот, в романе «4338 год» любые катастрофы настолько урегулированы, что человек забывает духовные потребности, он иссякает в том смысле, что всякое катастрофическое событие для него теряет онтологическое содержание.

Иными словами, роман «4338», несмотря на незаконченность, удачно встраивается в мировоззренческую систему Одоевского и является частью его литературного наследия. На романе остается печать и других произведений писателя, так или иначе содержательно включенных в эту квази-утопическую картину. Так, на наш взгляд, невозможно изучать «4338 год» без внимания к «Русским ночам», которые в данном случае могут послужить своеобразным ключом к содержанию романа.

Библиография

1. Гачева А.Г. Философское и художественное творчество В.Ф. Одоевского в контексте традиции русского космизма // Литература и философия: От романтизма к

- XX века. М.: Водолей, 2019. С. 382–397.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т.7: Бесы. М.: Наука. 617 с.
 3. Одоевский В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма // Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1959. С. 416–448.
 4. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 320 с.
 5. Писарчик Т.П. Романтические корни русского космизма // Вестник ОГУ. 2014. №7 (168).
 6. Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 т. Т.7. Чаадаев и кн. Одоевский. СПб.: Росток, 2017. С. 121.
 7. Сербиненко В.В. Философская проза В.Ф.Одоевского: «4338-й год» //Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 3. М., 1993. С. 117–135.
 8. Ясухико Кюно. В поисках тайны души человека — о повести В. Ф. Одоевского «Космораме» // Acta Slavica Iaponica. 2001. №18. С. 79-98.
 9. Griffiths G. Three tomorrows: America, British and Soviet science fiction. New York: Barnes & Noble. 1980, 217 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема статьи «Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год»» актуальна и перспективна. В работе рассматриваются произведения, в которых писатель создает свою картину будущего, основанную на глубоком анализе действительности и популярных философских систем. Автор статьи высказывает тезис о том, что в романе «4338-й год» «воплощается критическая оценка современной русской культуры и общественно-философская концепция В.Ф. Одоевского», и обстоятельно обосновывает его, привлекая в качестве доказательной базы новеллу «Город без имени», которую рассматривает как «образец негативной утопии», как ключ к пониманию романа. Автор статьи воспринимает роман «4338-й» как «синтез из настоящего и будущего, научного и фантастического, романтической сатиры и научного моделирования, ... воплощенных в единой художественной конструкции», подробно описывает, каким видит город будущего Одоевский, предсказывает технические достижения, диктат потребления.

Статья интересна, в ней проведен глубокий содержательный анализ, показано, как идеи Одоевского, выраженные в художественной форме в романе и новелле, сказались в последующей русской литературе (произведениях Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского), в общественной мысли. Материалы данного исследования будут востребованы в преподавании истории русской литературы, также они будут интересны философам, культурологам.

Статья заслуживает публикации в журнале, но предварительно надо исправить ряд небрежностей:

- 1) В названии поставить кавычки в конце названия романа «4338-й год».
- 2) Во втором предложении «Среди них: «Европейские письма»...» убрать двоеточие.
- 3) Унифицировать порядок в написании фамилий исследователей: в статье инициалы пишутся то до фамилии, то после нее, где-то вообще выпускаются.
- 3) Убрать запятую в предложении «В связи с этим, футурологические модели...».
- 4) Откорректировать стилистически предложение «Долгое время «4338 год» имел

репутацию утопического романа, согласно которой общественная модель, научно-техническое оснащение и политическая обстановка в романе полностью реализуют идеалы самого автора».

5) Поставить запятую в конце придаточного определительного «Упоминание же «великого Хун-Гина» далее, правителя, который «пробудил наконец Китай от его векового усыпления» и ввел китайское государство в «общее семейство образованных народов» может косвенно...»

6) Убрать запятую в предложении «Однако в соседстве с употреблением особых психоделических «возбуждающих газов», эти...»

7) В предложении «Наиболее интересной кажется параллель между изображением светского общества в новелле «Бал» и романом «4338»...» лучше написать «в новелле ... и романе...», подумать, как избежать формы «между изображением».

8) В предложении «Во многих отношениях салонные развлечения «4338 года» напоминает...» сказуемое требует множественного числа.

9) Сделать правильное согласование в предложении «В системе ценностей В.Ф. Одоевского, сформулированным в «Русских ночах», ...»

10) В предложении про алхимию («...собой ставит; в то время как алхимия, насколько бы курьезным не казался...») надо также внести коррективы: точку с запятой заменить на запятую, частицу не заменить на НИ (здесь усиление, а не отрицание).

11) С предложении «...отказано даже «материнским колыбелям», ввиду их бесполезности...» убрать запятую перед «ввиду».

12) В предложении «...Чернышевский, прочитай он «Русские ночи», «он сложил бы крылья и положил перо»...» убрать «он» в цитате перед сказуемым «сложил».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения репрезентации образа города будущего в художественном произведении 19 века. Увлечение футурологией, образами будущего человека, города и окружающей нас действительности были лейтмотивами творчества многих зарубежных и отечественных писателей той эпохи.

Автор обращается к творчеству Владимира Одоевского, который в своих произведениях намного опередил свое время.

Практическим материалом исследования послужили тексты двух романов писателя: «Русские ночи» и «4338-й год».

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно

начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключении должны быть представлены результаты исследования и его перспективы. Библиография статьи насчитывает 9 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по отечественной литературе. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Город будущего в романах В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и «4338-й год» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.